

А. И. Овчинников¹

А. С. Полякова²

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Государственная идеология России и основные принципы формирования национальной политической элиты

В статье анализируются ценностно-нормативные, социально-культурные и духовные основания, а также процессы формирования и развития государственной идеологии в России. Отдельно обсуждаются принципы и направления развития национальной политической элиты.

Ключевые слова и словосочетания: власть, государство, идеология, мораль, национальная элита, правовая система, правосознание, суверенитет.

A. I. Ovchinnikov

A. S. Polyakova

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

Russian state ideology and basic principles of the national political elite

The article analyzes the value-normative, socio-cultural and spiritual foundation, as well as the formation and development of the state ideology in Russia. Separately, discusses the principles and directions of development of the national political elite.

Keywords: power, commonwealth, ideology, morality, national elite, the legal system, sense of justice, sovereignty.

Несмотря на то, что либерально-демократическая государственно-правовая идеология закреплена в Конституции РФ, дальнейшее развитие нашей страны по пути либерального конституционализма требует корректировки, так как обеспечение экономической и энергетической безопасности страны предполагает национализацию стратегических ресурсов, неравенство форм собственности, ограниченность частной собственности на природные ресурсы задачами оптимального использования их для государства и др. Идеология государства должна соответствовать вызовам времени, но ориентироваться необходимо на высшие или базовые ценности.

¹ Овчинников Алексей Игоревич – профессор кафедры частного права Института права;
e-mail: an.poliakova2012@ya.ru.

² Полякова Анастасия Сергеевна – ассистент кафедры теории и истории российского и зарубежного права;
e-mail: an.poliakova2012@yandex.ru.

При этом следует принимать во внимание, во-первых, реалии современного мира, стоящего на пороге мировой войны за ресурсы и политическое господство; во-вторых, тупиковость спекулятивного капитализма; в-третьих, культурно-исторические особенности развития нашего государства, его самобытности.

Кроме того, идеология России должна учитывать три основных для нашей страны проблемы, которые спровоцированы либеральным конституционализмом: а) духовно-нравственный кризис общества; б) сложность и нерешенность этнического вопроса; в) социальное расслоение и несправедливость постсоветского общества. Решение этих проблем видится в самобытной модели государственного развития России, «привязанной» к ее истории, традициям, самобытности, уникальному этнокультурному ландшафту и отвечающей требованию гармоничного и мирного сосуществования самых разных народов и национальностей, объединенных общей судьбой, историей, ценностями в рамках единого государства.

В отличие от либерального проекта в национальной государственной идеологии «право на внутреннее духовное развитие, духовную свободу, культурное развитие» предполагает активную позицию государства по отношению к культурно-исторической идентичности, духовно-нравственному здоровью нации [3. С. 12–13]. В таком случае право духовной свободы понимается не в негативном, а в позитивном контексте. Существует сложившаяся веками система ценностей русского народа и отечественной православной культуры, и государство не должно оставаться безразличным к тому, что ценности этой культуры грубо разрушаются массовой культурой. Наличие соборной идеологии с гармоничным сочетанием общих и индивидуальных ценностей есть единственный, исторически проверенный выход сохранить традиционный духовно-культурный, национально-религиозный уклад России, что очевидно на неудачном опыте построения как коллективистско-коммунистической системы ценностей, так и либерально-индивидуалистической. Если индивидуализм либерального толка предполагает «отрыв» человека от его корней, превращение в универсально-всеобщего, лишенного каких бы то ни было связей со своей культурно-исторической общностью рационально-прагматичного субъекта, то индивидуализм русский предполагает уникальность и неповторимость человека именно ввиду его духовной идентичности, принадлежности к определенной культуре и миропониманию.

Целью Российского государства традиционно является не прагматичное согласование интересов и не политическая свобода, а высокая и духовная задача сбережения уникального этноконфессионального и культурного ландшафта России и Евразии, традиционных нравственных ценностей. Такие ценности должны быть закреплены в Конституции РФ. Поэтому государственная идеология России в XXI веке должна включать в себя идею не правового государства, а государства нравственно-правового, «государства правды», взявшего на себя защиту культурно-нравственной идентичности своего народа в условиях глобализации.

Несмотря на то, что английская либеральная и немецкая этатистская версии правового государства отличаются друг от друга в частности, сущность его остается общей, сформулированной еще Цицероном: государство (*res publica*) – достояние (дело) народа, связанного согласием в вопросах права и общностью интересов.

В эпоху «юридического мировоззрения» идея государства была лишена нравственного содержания, так же как право было освобождено от функции защиты морально-нравственных ценностей. Основная цель или смысл государства – разрешение юридических вопросов и споров между его создателями – субъектами «общественного договора», принцип и смысл которого напоминает принцип организации акционерного общества. Предполагается, что как у акционеров не может быть общих ценностей самих по себе (общий интерес – «процветание компании» служит лишь частному, индивидуальному интересу, ради которого оно и создается), так и у граждан в правовом государстве общей ценностью является собственная выгода, польза, получаемая от существования этого временного и вынужденного союза. Правовые ценности в таком государстве занимают более высокое положение по отношению к морально-нравственным, религиозным, социальным идеалам и ценностям. Причем в иерархии самих правовых ценностей главенствуют индивидуалистические и частноправовые – ценности субъективного права, автономии, договора, децентрализации, свобода от догм государственных идеологий, от общих идеалов, которые могли бы конкурировать с ценностями личного интереса. Такая модель не может быть основой общественного развития в России.

Если в западной модели границы власти очерчены законом (правом), то в самобытной идеологии государственного развития России необходимо определить не только правовые, но и нравственные границы власти. Власть, ограниченная только законом, либо должна отказаться от принципа суверенитета в пользу международного наблюдателя, либо лукавить, приспособливая под свои нужды толкование закона. В самом деле, если суверен не желает следовать правовым принципам, то, по логике права, он должен быть насильственно принужден к этому путем изъятия суверенитета. Основная идея правового государства, согласно которой власть сама себя связывает правом абсурдна: самого себя можно связывать только внутренним законом, только нравственно. Как отмечал К. Шмит, «суверен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении», имея в виду то, что пределы связанности законом суверена в итоге определяются его волей и ничем иным, что особенно четко проявляется в условиях исключительных, чрезвычайных, когда существует необходимость пренебречь некоторыми правами человека ради безопасности государства [7. С. 15]. Степень опасности определяет суверен, и, как показывает исторический опыт, часто это решение вызвано элементарной жадной сохрания и преумножения власти.

Возникает вопрос: если границы должны быть нравственными, то и элита должна им соответствовать. Где гарантии, что властная элита будет придерживаться нравственных ценностей и соблюдать правовые и нравственные ограничения? Думается, ответ может быть следующим: правящий слой должен формироваться посредством органической демократии, по нравственно-деловым качествам, а не по партийным спискам и результатам предвыборной пропаганды. И критерием отбора такого правящего слоя должны быть фундаментальные для любого здорового общества и государства ценности патриотизма, искренней любви к Родине, аскетизма, образованности, приверженности к традициям и обычаям своего народа. В органы законодательной власти должны выдвигать своих представителей

трудовые коллективы, местные органы власти, а из лучших и наиболее образованных представителей региональных органов законодательной власти посредством тайного голосования формировать верховный орган законодательной власти, который может функционировать на постоянной или сессионной основе.

Модернизация российской государственности предполагает проведение следующих реформ: 1) юридическое закрепление нравственных ценностей и норм, приоритета общего блага; 2) социализацию экономики и жесткую гарантию социальных прав; 3) построение правовой идеологии на основе общественного, а не индивидуалистического права с гармонией прав и обязанностей, личности и общества; 4) исключение доступа политическим партиям и движениям к органам государственной власти, формирование законодательного органа на основе беспартийных выборов с привлечением опыта системы Советов народных депутатов СССР; 5) упрощение процедур отзыва депутатов избирателями, исключение принципов депутатской неприкосновенности и другие демократические преобразования; 6) изменение режима частной собственности с акцентом на социальную полезность, расширение перечня объектов, которые могут находиться исключительно в государственной собственности, в первую очередь стратегического, социального, экологического и культурно значимого масштаба; 7) государственная защита культурной и религиозной самобытности народов России.

В качестве ценностной системы государственной идеологии правовая политика России должна учитывать следующие ориентиры: признание права на духовное и культурное развитие в качестве высшей ценности и основы правопорядка; фиксацию основных обязанностей государства и личности для реализации этого права; построение государственно-частной системы хозяйства, основывающейся на синтезе централизованного и децентрализованного методов правового регулирования хозяйственной деятельности с целью обеспечения социальной справедливости; возрождение евразийской духовности, религиозности, культуры.

Еще один деструктивный элемент западной или американско-европейской модели правовой государственности – принцип верховенства прав и свобод человека по отношению к правам общества и государства. Этот принцип можно обозначить и как принцип правового индивидуализма. Высшее субъективное право в этой модели – право политической свободы.

Отечественная правовая культура сформировалась на иных принципах, на доминировании обязанностей над правами, на принципах правообязанности. Так, П.И. Новгородцев полагал, что обязанности наряду с правами вытекают из самого понятия личности. Входя в общение с себе подобными, личность не может не отрицать свои собственные права в случае отрицания прав других. «Отсюда рождается обязанность взаимного признания... Идеальный смысл общения не исчерпывается принципами формального права, обеспечивающего каждому свое: более того он выражается в требованиях высшего нравственного закона, объединяющего людей духом солидарности и любви и связывающего их разрозненные силы в общее культурное стремление» [1. С. 111]. О правообязанности писали и говорили славянофилы Ф.М. Достоевский, Л.А. Тихомиров, С.Л. Франк, рассматривавшие свободу личности не в негативном аспекте как высшую и единственную

цель общественного бытия, а функционально – как достижение посредством нее сверхиндивидуальной цели общества как единства, соборности, сотрудничества, служения друг другу. В такой интерпретации «право частной собственности», к примеру, имеет лишь функциональное, служебное значение: это форма, в которой осуществляется сотрудничество в служении, и оно может быть ограничено интересами общественного целого. Государство имеет право и обязанность его регулировать, объективное право нормирует его и может ставить ему известные пределы и налагать на собственника определенные обязанности.

Когда говорят о правообязанностях, речь идет о слиянии права и нравственности, правомочия и долга. Здесь нельзя не вспомнить Л.И. Петражицкого с его учением об императивном характере морально-нравственных норм и императивно-атрибутивном характере правовых переживаний [4. С. 256]. В том случае, когда поступок человека влияет либо на осознание своего права, своей правоты, либо на осознание наличия права у противоположной стороны, «работает» правосознание, реализуются правовые регулятивы, в том же случае, когда у противоположной стороны нет никакого права, на поступок влияет моральное чувство – чувство долга. Так вот, когда человек использует свое право и при этом испытывает чувство моральной обязанности по отношению к другому человеку (другим людям), осуществляется гармоничное воздействие и правовых, и морально-нравственных эмоций и чувств, и, соответственно, мотив, движимый совокупностью правовых и морально-нравственных регулятивов, усиливается во много раз [5. С. 135]. Например, судья, пользуясь своим правом судейского усмотрения назначать верхний и нижний пределы наказаний, тогда не злоупотребляет им, когда испытывает чувство долга и ответственности по отношению к обществу, к идеалам добра и справедливости. При этом «гуманность» суда не выльется в произвол и безнаказанность, а «справедливость» не будет сухой и формальной. Каждый гражданин тогда будет считать, к примеру, что воспользоваться своими политическими правами означает исполнить свой долг по отношению к своим предкам, к истории страны, к будущему своей Родины, когда будет испытывать «заботу» о своей земле, о своем будущем и о будущем других поколений. В законодательном порядке (внешней правдой) невозможно ему эту «заботу» привить.

Еще более наглядным такое понимание правообязанности будет, если говорить о юридических обязанностях. Человек, исполняющий свои юридические обязанности исключительно из боязни быть привлеченным к юридической ответственности, вряд ли никогда не воспользуется возможностью ими пренебречь в случае ослабления контроля. В отрицании такого отношения к своим обязанностям и заключается смысл фразы – «делать на совесть». Если в системе нравственности европейского типа этот принцип связан с этическим индивидуализмом и рационализмом, то в России он возможен только в рамках соборности, социального идеала «общего блага».

Другим случаем «правообязанности» может быть тот момент, когда «общий правовой статус», гарантируемый Конституцией, включает в себя не меньшее, если не большее количество юридических обязанностей, чем прав. Для того чтобы получить права, человек должен исполнить обязанности по отношению к обществу:

получить образование, следить за своим здоровьем, служить в армии, трудиться, воспитывать детей и т.д. В таком случае все граждане государства оказываются носителями не только одних «прав и свобод», но и «правообязанностей».

Политическая жизнь обществ современной европейской культуры переносит область правовой автономии с хозяйственной сферы на целый ряд других сторон социального целого. Составляющее одну из предпосылок современного правового государства учение о неотчуждаемых правах человека и гражданина также относится к области правовой автономии в широком смысле этого слова, так как прирожденные естественные права устанавливают способность безусловного самоопределения в области религии, личной нравственности, научной совести, политических убеждений и т.п. Наличие этих прав – обретение свободы от государства, его принудительного воздействия. Человек получает так называемый «негативный статус» – статус защищенности от государства, область автономии, которая отличается от частного права своим объектом, но представляет с ним явление одного и того же порядка.

Согласно Л.И. Петражицкому, разделившему две модели правового регулирования: систему лично-свободного права, основой которого служит управление человеческим поведением путем «децентрализации», и систему «права социального служения» или «централизованной» правовой системы, – построение социального государства возможно лишь во втором случае [6. С. 153]. Таким образом, основой социального правового государства может быть только социально-ориентированная правовая система, но никак не либерально-индивидуалистическая.

Борьба с коррупцией без идеологической реформы также невозможна. Проблема коррупции существует столько времени, сколько институты управления в обществе.

Вообще западные ученые-правоведы все настойчивее обращают внимание на кризис правосознания современного европейца. Если ранее от совершения правонарушений сдерживали в первую очередь совесть, религиозно-нравственное чувство, то теперь в постхристианской Европе основным регулятором поведения стало правосознание, не основанное на вере в Бога, высшую справедливость и на боязни Страшного Суда. Неотвратимость юридической ответственности, страх перед законом, полицейский контроль, прозрачность финансовых операций, система доносительства, рациональность юридически значимого поведения – все эти характеристики современных отношений в западных индустриально развитых странах создают серьезные препятствия для распространения коррупции. Некоторые из них, например рационализм, уважение к «букве закона» возникли в ходе культурно-исторического развития европейских народов католической и протестантской веры, некоторые созданы сравнительно недавно – в XX в. Для России с ее самобытной нравственной, политической, правовой культурой не все перечисленные меры пригодны. По нашему мнению, борьба с коррупцией должна осуществляться в комплексе с масштабной реформой принципов нашей государственности и правовой политики.

Во-первых, необходимо вспомнить, что главный метод государственного управления – метод убеждения, а не принуждения, который опирается на совесть,

на самоконтроль. К каждому чиновнику или снабженцу полицейского не приставай. Поэтому законодательная база борьбы с коррупцией нужна, но нужна она не в первую очередь, а во вторую. Метод принуждения применяется тогда, когда не работает метод убеждения. Между тем, современное российское государство дистанцировалось от вопросов не только морально-нравственного воспитания, но и правового воспитания. Идеологический плюрализм стал прикрытием для противников государственного порядка, так как плюрализм также своего рода идеология (аморальность или моральный плюрализм тоже своего рода мораль). Через СМИ обществу навязывается образ «красивой жизни» в свое удовольствие, без какой-либо нравственной аскезы и самоограничения.

Дело в том, что «общество потребления» не может служить целью и идеологией государственного развития. Между тем, именно такое общество должно быть построено согласно Конституции РФ, закрепившей либеральные индивидуалистические ценности в качестве государствообразующих. Сегодня принцип «верховенства прав человека», возникший вследствие секуляризации государственных идеологий Западной Европы, является наиболее почитаемой «общечеловеческой ценностью». Это хороший принцип, но когда его доводят до крайностей, когда государственные интересы ставятся в подчиненное положение, возникает явный ценностный перекося в сторону человеческого эгоизма.

Согласно логике либерального правового мышления государство прав человека, или правовое государство, или государство общественного договора (все это одно и то же) не имеют и не могут иметь никаких идеологических средств убеждения, кроме закона, для борьбы с коррупцией. Предполагается, что как у акционеров не может быть общих ценностей самих по себе (общий интерес – «процветание компании») служит лишь частному, индивидуальному интересу, ради которого оно и создается), так и у граждан в «правовом государстве» общей ценностью является собственная выгода, польза, получаемая от существования этого «временного и вынужденного союза». Теоретические конструкции, описывающие деятельность таких государств, неизбежно насыщаются терминологией и логикой гражданского права, которое со времен римского частного права, признается вершиной правового мышления – «правовым разумом». Отсюда создается иллюзия того, что «деидеологизация» права и правовой системы является необходимым условием настоящего, «истинно» правового мышления, свободного от догм государственных идеологий, от общих идеалов, которые могли бы конкурировать с ценностями индивидуалистического плана.

Все бы ничего, вот только возникает вопрос: действительно ли все отношения в государстве могут быть описаны в терминах горизонтальных правоотношений? Как, например, в формулах частного права описать взаимоотношения между государством и военнослужащим или сотрудником милиции, приносящим клятву (в присяге) не жалеть своей жизни для защиты отечества? Не правда ли, парадоксальным выглядит случай, когда акционер клянется потерять свою долю и свою жизнь в случае угрозы благосостоянию остальных акционеров и компании в целом. Такая клятва выглядит логически абсурдной, ведь в таком случае цель членства – личный достаток – ставится ниже средства – благо компании. Или, скажем,

как в формулах индивидуалистического правопонимания описать обязанности государства заботиться о будущем поколении, малоимущих, о «неудавшейся» части общества, о воспитании молодежи и т.д. Кстати, многие исследователи в научных работах уже подчеркивают несоответствие норм законодательства о военной службе и требуют не щадить своей жизни в деле защиты Отечества, российской Конституции, по сути, защищающей принцип верховенства права на жизнь по отношению к обязанностям, неприкосновенность права на жизнь и здоровье.

Таким образом, первая задача нашего государства – формирование государственной идеологии, где целью развития государства стали бы не выгода, личная или общественная, а более значимые идеалы. Тогда государственный служащий будет мотивирован не только юридически, но и морально исполнять свой долг до последнего дыхания, не взирая на материальную выгоду. Ведь служба государству – это служение, жертва, посвящение себя целиком обществу. А у нас государственная служба часто представляется как особый вид менеджмента. Но если прибыль менеджера от взятки в десятки раз превосходит его зарплату, то никакое повышение последней не уберезет его.

Во-вторых, человек, посвящающий себя государственной службе, должен отказаться от права на частную жизнь в том объеме, в котором ею обладают обычные граждане. Должна существовать абсолютная прозрачность его расходов, имущественных прав, свободного времени и т.д. Он и его родственники должны отчитываться за все виды деятельности и получаемые доходы в течение десяти лет после его увольнения.

В-третьих, необходимо серьезно ужесточить уголовную ответственность за взяточничество, вернуть полную конфискацию имущества, в том числе у близких родственников, которое нажито в период работы в должности, а не только имущество, нажитое преступным путем. Здесь же требуется отмена «презумпции невиновности»: если чиновник не может привести доказательства, что происхождение его имущества законно, то он подлежит уголовной ответственности. Такая мера позволила в течение двадцати лет победить коррупцию в Гонконге.

В-четвертых, постоянно работать с населением, собирать информацию о должностных лицах, их работе, создать механизмы зависимости исполнительной, а также судебной власти от населения. Ведь судебная власть сейчас независима ни от кого, что делает ее безответственной.

В-пятых, совершенствовать систему отбора кадров, вводить поощрения гражданской активности населения в части информирования о коррупции среди тех или иных должностных лиц, органов власти, учреждений. Современные средства информатизации позволяют контролировать всех чиновников, их переговоры, работу в кабинетах и т.д. Никакие аргументы в защиту свободы не должны приниматься в расчет: служишь государству, пожертвуй личной свободой. Взамен – высокая зарплата, качественный социальный пакет, хорошая пенсия и, главное, почет и уважение. Государство должно рекламировать государственную службу – и военную, и гражданскую, и правоохранительную.

1. Новгородцев, П.И. Об общественном идеале / П.И. Новгородцев. – М., 1991.
2. Овчинников, А.И. Понимание права в системе юридического знания и государственно-правовом развитии России: монография / А.И. Овчинников, А.Ю. Мамычев, А.В. Юшко. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2009.
3. Овчинников, А.И. Духовно-нравственная легитимация права: мировоззренческий контекст / А.И. Овчинников // Философия права. – 2013. – №1. – С. 12–13.
4. Петражицкий, Л.И. Очерки философии права / Л.И. Петражицкий. Спб., 1900 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.knigafund.ru.
5. Петражицкий, Л.И. О мотивах человеческих поступков, в особенности об этических мотивах и их разновидностях / Л.И. Петражицкий. – СПб., 1904.
6. Петражицкий, Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмпирической психологии / Л.И. Петражицкий. – СПб., 1908.
7. Шмитт, К. Политическая теология / К. Шмитт. – М., 2000.

СОВЕТУЕМ ПРОЧЕСТЬ

.....

Овчинников А.И., Мамычев А.Ю., Кравченко А.Г.

Основы национальной безопасности: учеб. пособие. – М.: РИОР: ИНФРА–М, 2016. – 235 с. + Доп. материалы [Электронный ресурс; Режим доступа <http://www.znaniium.com>]. – (Высшее образование). – www.dx.doi.org/10.12737/5985.

ISBN 978-5-369-01454-7 (РИОР)

ISBN 978-5-16011237-4 (ИНФРА–М, print)

ISBN 978-5-16-103394-4 (ИНФРА–М, online)

Учебное пособие написано в соответствии с требованиями образовательной программы по учебной дисциплине «Национальная безопасность». В то же время в нем нашли отражение темы, не охваченные программой, но важные для понимания проблем обеспечения национальной безопасности. Несмотря на преимущественно юридический аспект, учебное пособие может служить введением в общую теорию национальной безопасности, освещает темы таких дисциплин, как «Геополитика», «Политология», «Международные отношения» и др. разрабатываемых специалистами разных социально-политических наук.

Для студентов и слушателей вузов МВД Российской Федерации, обучающихся по специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности», а также студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» (квалификация (степень) «бакалавр» и «магистр»).